

Цзээркэсы только что закончил проверять стопку работ второкурсников, изобиловавших катастрофическими предсказаниями:

— Я предсказываю, что при варке зелья ты взорвешь свой котел.

Это было скорее выражением заветного желания, чем пророчеством.

Цзээркэсы чувствовал, что от этого зрелища у него пухнет голова, и решил выйти прогуляться, чтобы проветриться.

Факелы в подземелье горели тусклым, мерцающим светом, а воздух был пропитан странной смесью запахов различных трав.

Как раз в тот момент, когда он проходил мимо кабинета Снейпа, дверь резко распахнулась изнутри.

Тот выскользнул наружу едва ли не бесшумно, точно тень летучей мыши, — казалось, он куда-то собирался.

Они столкнулись нос к носу.

Он резко остановился, и его черные одежды взметнулись от этого внезапного движения.

Его темные глаза мгновенно впились в Цзээркэсы, излучая нескрываемое раздражение и недовольство.

— Не спится по ночам, слоняетесь по чужим подземельям, профессор Конри? — Его голос звучал низко и бархатисто, но в нем сквозила ядовитая ирония. — Неужели призраки Хогвартса уже не в силах удовлетворить ваше... чрезмерное любопытство?

Цзээркэсы уже собирался ответить ему короткой колкостью, но взгляд Снейпа внезапно замер.

Он смотрел вовсе не на лицо Цзээркэсы.

Его взор был прикован к его груди — точнее, к маленькому флакону с зельем на цепочке, который выскользнул из-под ворота мантии.

Название зелья уже немного стерлось, но внизу все еще четко читалось клеймо создателя: «S.S.».

Время словно замерло.

В подземелье был слышен лишь треск горящих факелов.

Цзээркэсы заметил, как мускулы на его лице едва заметно напряглись.

В тех глазах, что всегда оставались черными и ледяными, как туннель, промелькнуло нечто мимолетное, но до крайности острое.

Это было не любопытство и не вопрос — это было чувство, близкое к оскорбленному изумлению, словно какая-то ничтожная личная вещица, давным-давно заброшенная им в илистые глубины времени, вдруг оказалась выкопана и выставлена напоказ.

Он тут же совладал со своим замешательством и резко поднял взгляд, заглядывая прямо в глаза Цзээркэсы, но ту мгновенную брешь в защите тот успел уловить с безупречной точностью.

По позвоночнику Цзээркэсы пробежала искра знакомого ощущения.

Именно этот взгляд — пусть и отточенный годами, ставший еще более мрачным и суровым, — в самой своей сути, в этой глубокой и холодной отрешенности идеально совпадал с тем взглядом, которым смотрели на него в ту морозную зимнюю ночь из десятилетнего возраста, когда он находился на пороге смерти.

Воздух застыл.

Цзээркэсы смотрел на него, и сердце тяжело билось в груди.

Он не стал задавать глупых и бесполезных вопросов вроде «Это ты?».

Снейп никогда бы не признался ни в чем, что выдало хотя бы малейшую частицу его человечности.

Цзээркэсы просто поднял руку, легко зажал меж пальцев висевший на груди флакон, а затем сунул его под одежду, делая вид, будто ничего не произошло.

Его взгляд без тени страха встретил все более опасный и ледяной взор собеседника.

Цзээркэсы заговорил спокойно, но каждое его слово прозвучало тяжело, как камень, брошенный в глубокий омут.

— Многие спрашивали меня, что это такое, — медленно произнес он, отчетливо выговаривая каждый слог. — Амулет? Памятный сувенир?... Он спас мне жизнь зимой, когда мне было

десять лет.

Цзээркэсы не сводил глаз с его лица, выискивая малейшую реакцию. — Весьма необычное зелье, не правда ли? Сильное действие и... неповторимое горькое послевкусие. Мне никогда больше не доводилось пробовать ничего похожего по составу.

Выражение лица Снейпа вновь окончательно застыло, став еще холоднее и тверже каменных стен подземелья.

Но он не стал сразу же сыпать насмешками или все отрицать, и сама эта тишина звучала почти как признание.

Спустя мгновение уголки его рта изогнулись в ледяной, совершенно лишенный веселья усмешке.

— Весьма... сентиментальная история, — прошипел он. Его голос звучал так тихо, что напоминал шепот, но в нем сквозила угроза. — Похоже, даже гениальные умы не застрахованы от того, чтобы быть одержимыми ребяческими навязчивыми идеями.

Он подался вперед на шаг. Они были практически одного роста, так что теперь могли смотреть друг другу прямо в глаза, и от Снейпа исходило мощное давящее ощущение.

— Но я бы посоветовал вам, профессор Конри, — его взгляд был острым, как лезвие, казалось, он способен пронзить мозг собеседника насквозь, — держать свои... воспоминания о зельях там, где им положено быть. А не вытаскивать их наружу, докучая тем, кому это... совершенно неинтересно.

С этими словами он резким движением взмахнул полой мантии и прошел мимо Цзээркэсы. Черные одежды взметнулись, растворяясь во мраке подземелья, и он не обернулся.

Цзээркэсы остался стоять в коридоре в полном одиночестве, крепко сжимая в руке еще теплую стеклянную колбочку.

Его признания больше не требовалось.

Уязвленная гордость, спешная попытка угрозами заставить Цзээркэсы замолчать и это молчаливое согласие насчет «горького послевкусие» — всё вместе беззвучно кричало озарением:

Это был он.

Тот самый человек, который двенадцать лет назад подарил ему вторую жизнь в заснеженную

ночь и так же холодно удалился, наконец слился воедино с этим мужчиной, только что пытавшимся прикрыть всё на свете самыми едкими словами.

Цзээркэсы с самого начала предполагал, что обладающий столь острым восприятием человек непременно обратит внимание на тот флакон.

Его мгновенное, до конца не скрытое изумление, а затем избыточно яростная, угрожающая попытка оборвать любые связи лишь обернулись самыми неоспоримыми доказательствами.

Это «молчаливое признание» убедило Цзээркэсы куда сильнее любых прямых ответов.

<http://bllate.org/book/21836/2262662>